

1886 г.

В. В. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ.

ПРОЕКТЪ
ГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ
И
СОВРЕМЕННАЯ НАУКА УГОЛОВНАГО ПРАВА,

Изъ Журнала Юридическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1897.

ПРОЕКТЪ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА УГОЛОВНАГО ПРАВА.

„Составленіе уголовного уложенія есть прежде всего актъ уголовной политики“.

Проф. Францъ Листъ.

„Создать кодексъ—значить отразить въ ея главныхъ чертахъ извѣстную социальную эпоху“.

Проф. Адольфъ Принсъ.

Введеніе.

Въ обновленной реформами Александра II правовой жизни Россіи дѣйствующій уголовный кодексъ всегда являлся въ глазахъ не только юристовъ, но и всего образованнаго общества такимъ мрачнымъ анахронизмомъ, что вполне понятенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ былъ у насъ встрѣченъ изданный въ 1882 году редакціонною комиссіею первый проектъ общей части уголовного уложенія. Многие выдающіеся представители науки уголовного права на Западѣ, на заключеніе коихъ былъ посланъ этотъ проектъ, тоже одни въ большей, другіе—въ меньшей степени осыпали его похвалами. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: западнымъ ученымъ, въ то время еще весьма слабо знакомымъ съ правовымъ и социальнымъ строемъ Россіи, наше уголовное законодательство представлялось чѣмъ-то столь ужаснымъ, что ихъ не могъ не

поразить пріятно проектъ уголовного кодекса, исходившій изъ „варварской“, по ихъ воззрѣнію, страны, а между тѣмъ ничѣмъ не уступавшій лучшимъ изъ тогдашнихъ европейскихъ уложеній. Не надо забывать, что ни Итальянскаго уголовного кодекса 1889 г., ни Невшательскаго 1891 года тогда еще не существовало, а о замѣчательныхъ проектахъ уложеній—общешвейцарскаго (проф. Штосса) и Норвежскаго (проф. Гетца) въ то время не было еще и помину. Съ тѣхъ поръ много утекло воды въ жизни народовъ, а особенно—въ наукѣ и практикѣ уголовного права: врядъ ли когда-нибудь человѣческая мысль такъ усиленно работала въ этой области, какъ за послѣдніе 15 лѣтъ. Девятое десятилѣтіе нашего вѣка ознаменовано въ наукѣ уголовного права двумя крупными событіями: начавшаяся еще въ 70-хъ годахъ борьба классической школы съ антрополого-позитивною постепенно утрачиваетъ свой дотошъ ожесточенный характеръ, уступая мѣсто болѣе спокойной взаимной критикѣ, а на расчищенной этою полемикою почвѣ пышно разцвѣтаетъ третье, соціологическое направленіе, одиѣми вѣтвями своей могучей сѣни переплетаясь съ антропологическими ученіями, а другими примыкая къ классической доктринѣ. И эта усиленная работа научной мысли, кабинетная борьба отвлеченныхъ теорій, не замедлила принести человѣчеству цѣнные практическіе плоды.

Ближайшимъ непосредственнымъ ея результатомъ явилось въ наукѣ уголовного права убѣжденіе въ недостаточности и бесполезности одного лишь догматическаго изученія преступленія и наказанія какъ явленій юридическихъ и сознаніе необходимости изслѣдованія ихъ и какъ чреватыхъ послѣдствіями событій соціальной жизни. Подъ могучимъ напоромъ этихъ идей мало по малу исчезаетъ почти вѣковая отрѣшенность науки уголовного права отъ дѣйствительной жизни: наряду съ догматическою разработкою права идетъ изученіе міра преступленій, его факторовъ и дѣятелей и мѣръ борьбы съ нимъ. „Наука уголовного права“—говоритъ проф. Ламмашъ (Lammash, Criminalpolitische Studien въ „Gerichtssaal“, В. 44, 1891 г., s. 150)—увидѣла себя вынужденною снова взяться

за работу надъ фундаментомъ дворца правосудія, задолго передъ тѣмъ заброшенную ради причудливыхъ украшеній фасада и постройки хорошенькихъ башенокъ. На передній планъ научнаго изслѣдованія снова выступаютъ вопросы о цѣляхъ и средствахъ наказанія, объ отношеніяхъ уголовной юстиціи къ другимъ функціямъ государства, а науки уголовного права къ другимъ вѣтвямъ человѣческаго познанія и техники“.

Успѣхи криминальной антропологии въ широкомъ смыслѣ (включая криминальную психологию) и криминальной соціологии, которыя въ 70-хъ годахъ были лишь въ зародышѣ, не могли не отразиться на уголовной политикѣ, т. е. на искусствѣ бороться съ преступленіемъ посредствомъ репрессивныхъ мѣръ. Позитивное изученіе преступнаго люда съ научною достовѣрностью установило фактъ существованія различныхъ преступныхъ классовъ, требующихъ и различнаго къ себѣ отношенія со стороны законодателя, доказало безусловную необходимость индивидуализаціи наказанія для успѣха борьбы съ преступленіемъ. Статистическія же изслѣдованія надъ движеніемъ преступности, засвидѣтельствовавшія непрестанно прогрессирующій ея ростъ, въ особенности среди малолѣтнихъ, и усиленіе рецидива, наглядно доказали безсиліе существующей карательной системы въ ея борьбѣ съ преступленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дали могучій толчекъ развитію уголовной политики, принявшей съ давно уже невиданною энергіею за разработку новой организаціи репрессивныхъ мѣръ. Какъ бы стремясь загладить прошлые грѣхи своего многолѣтняго игнорированія практическихъ потребностей соціальной жизни, наверстать дорогое время, потерянное въ занятіяхъ юридическою схоластикой, наука уголовного права въ 80-хъ и 90-хъ годахъ съ особенною охотою занимается изученіемъ и разработкою практической стороны репрессивныхъ мѣръ; одинъ за другимъ появляются разработанные до мельчайшихъ деталей проекты какъ цѣлыхъ пенитенціарныхъ системъ, такъ и отдѣльныхъ карательныхъ институтовъ, частью новыхъ, частью лишь извлеченныхъ изъ „про-

пасти забвенія“. Уголовно-политическая литература въ послѣдней четверти XIX вѣка опять достигаетъ такого же богатства и блеска, какими отмѣчены ея судьбы во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Современному законодателю при его реформаціонныхъ работахъ въ области уголовного права остается лишь умѣло черпать изъ столь богатой сокровищницы науки, считаясь, конечно, при этомъ съ бытовыми и историческими условіями своего народа. На этотъ путь уже и вступили многія государства просвѣщеннаго Запада. Неопровержимою силою научныхъ данныхъ и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ повседневнаго опыта убѣдились законодатели въ односторонности и безсиліи классической доктрины передъ грозною соціальною опасностью и въ необходимости, для избавленія отъ нея, заглянуть на широкіе „новые горизонты“ и пойти развернувшимися на нихъ путями. Отсюда небывалое оживленіе законодательнаго творчества въ области уголовного права; и большія (Россія, Франція, Австрія) и малыя государства (Норвегія, Швейцарія) одно за другимъ спѣшатъ въ наши дни радикально реформировать свое уголовное право и принимаются съ этою цѣлью за трудное дѣло составленія новыхъ уголовныхъ кодексовъ.

Теперь, когда уже прошло время перваго увлеченія проектомъ новаго уголовного уложенія, когда протекъ для него медовый мѣсяцъ, длившійся тѣмъ болѣе продолжительное время, что слишкомъ уже долго дожидалось его русское общество, настала, думается намъ, пора для болѣе спокойнаго разсмотрѣнія главнѣйшихъ постановленій проекта въ свѣтѣ началъ современной науки уголовного права и уголовной политики.

Починъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ: вслѣдъ за черезчуръ оптимистическимъ отзывомъ объ общей части проекта, опубликованнымъ въ 1894 году *проф. Палаузовымъ* подъ заглавіемъ „критическаго этюда“ ¹⁾, появился уже въ

¹⁾ Къ вопросу о будущемъ нашемъ уголовномъ кодексѣ. Критическій этюдъ В. Н. Палаузова. Одесса, 1894 г.

печати рядъ дѣйствительно критическихъ работъ, посвященныхъ разбору нѣкоторыхъ отдѣловъ (*проф. Коркунова* ¹⁾) или характерныхъ чертъ проекта (*К. Анненкова* ²⁾, *А. Красовскаго*) ³⁾ или же анализу и характеристикѣ всего проекта въ наиболѣе существенныхъ его постановленіяхъ (*Н. Соколовскаго*, Уголовное уложеніе, „Русское Богатство“, 1896, май, стр. 111—152) ⁴⁾.

Настоящая статья принадлежитъ къ послѣдней категоріи: она стремится дать общую характеристику проекта путемъ разбора его постановленій по важнѣйшимъ, съ точки зрѣнія юридической и соціальной, вопросамъ преступленія и наказанія.

Хотя эти вопросы и принадлежатъ къ общей части уголовного права, но они будутъ разсмотрѣны нами въ ближайшей связи съ постановленіями особенной части проекта, ибо мы полагаемъ, что многія принципиальныя положенія, установленныя тою или другою нормою общей части уголовного уложенія, могутъ получить всестороннее освѣщеніе и правильную оцѣнку лишь при тѣснѣйшемъ и непосредственномъ сопоставленіи ихъ съ правилами, до отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній относящимися. „Каковы бы ни были точки зрѣнія, съ коихъ разсматриваются основныя научныя задачи уголовного права, говоритъ проф. *Листъ* въ своихъ „Замѣчаніяхъ на проектъ общей части русскаго уголовного уложенія“ (Журналъ гражд. и угол. права, 1883 г., сентябрь, стр. 56—57),

¹⁾ Журн. Минист. Юстиціи, 1896 г., мартъ, стр. 67—103, апрѣль, стр. 1—48

²⁾ Равенство передъ закономъ въ проектѣ уголовного уложенія. „Судебная газета“, 1896 г., № 21.

³⁾ Легальный произволь. Замѣчанія на проектъ уложенія о наказаніяхъ. СПб. 1896 г.

⁴⁾ Статьи проф. *E. G a r c o n*, *Projet de Code pénal Russe*, „Revue pénitentiaire“, 1896 г., №№ 3. 5, pp. 393—422; 691—724, носятъ скорѣе повѣствовательный, чѣмъ критическій характеръ и, имѣя въ виду лишь общую часть проекта, относятся къ нему съ недостаточно мотивированною благосклонностью.

Лѣтомъ текущаго года сдѣлались предметомъ оживленнаго обсужденія въ нашей періодической печати постановленія проекта о преступленіяхъ противъ брачнаго права.

одно несомнѣнно, а именно то, что общая часть уголовного уложенія не можетъ быть окончательно обсуждена отдѣльно отъ его особенной части.... Понятіе преступленія можетъ быть признаваемо лишь схемою, впервые получающую жизнь и содержаніе черезъ соотношеніе его съ понятіями отдѣльных преступленій“.

I.

Трехчленное дѣленіе уголовнонаказуемыхъ дѣяній.

Проектъ держится той „трихотоміи“ французскаго права, которая съ 1791 года имѣла, по удачному выраженію *Листа* (*Lehrbuch* 1895 г., с. 97), „роковое значеніе“ для европейскаго законодательства. Главное основаніе, приводимое, обыкновенно, въ пользу французскаго трехчленнаго дѣленія всей области уголовнонаказуемыхъ дѣяній, заключается въ удобствѣ распредѣленія подсудности уголовныхъ дѣлъ между тремя категоріями судебныхъ мѣстъ (*Garraud*, *Traité théorique et pratique de droit pénal français*, I, p. 131; *Le Poittevin*. *Le projet de Réforme du Code Pénal*, „*Revue pénitentiaire*“, 1893, № 2, p.p. 152—153). Какъ справедливо говоритъ проф. *A. Gautier* („*Deux projets*“, въ „*Zeitschrift für Schweizer Strafrecht*“, VII, Н. 1—2, с. 49), основное дѣленіе, принятое *code pénal*, оправдывается чисто формальнымъ мотивомъ: „нужны три категоріи правонарушеній не потому, чтобы между ними существовали внутреннія различія, а потому, что существуютъ три большія степени судовъ“. На самомъ же дѣлѣ, и въ современномъ французскомъ процессѣ этотъ принципъ распредѣленія подсудности уголовныхъ дѣлъ терпитъ, вопреки мнѣнію проф. *Таганцева* (Лекціи по русскому угол. праву, I, стр. 84), массу исключеній: суды не только назначаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ исправительныя наказанія, но даже судятъ такія преступныя дѣянія (напр., печати), которыя самимъ закономъ квалифицируются какъ проступки — *délits*; исправительные суды разбираютъ дѣла по обвиненію малолѣтнихъ до 16 лѣтъ въ преступленіяхъ (*crimes*) и нѣкоторыя

дѣянiя, подлежащiя лишь полицейскимъ наказанiямъ (*peines de police*), и т. д. Это практическое соображенiе, имѣющее лишь нѣкоторое значенiе для французскаго права, въ весьма слабой степени приложимо въ нашему. Начать съ того, что нашимъ низшимъ судамъ—мировымъ судьямъ, уѣзднымъ членамъ, городскимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ подсудны не только нарушенiя, но и многiя дѣянiя, караемыя тюрьмою на срокъ до 1½ лѣтъ, а потому являющiяся по терминологiи проекта проступками. Далѣе, такъ какъ по основному началу нашего уголовного процесса, дѣянiя, влекущiя за собою лишенiе всѣхъ особенныхъ правъ, изъяты изъ компетенцiи единоличнаго суда или коллегiи коронныхъ судей и подлежатъ суду присяжныхъ или судебной палаты съ участiемъ сословныхъ представителей, а проектомъ допускается лишенiе многихъ существенныхъ правъ (ст. 24) на срокъ до 3 или 5 лѣтъ и для лицъ, отбывшихъ заключенiе въ тюрьмѣ за многiе изъ проступковъ (ст. 25),—то компетенцiя суда присяжныхъ не будетъ, очевидно, ограничена областью преступленiй въ тѣсномъ смыслѣ, но распространена и на многiе проступки. Даже проф. Таганцевъ, выступающiй защитникомъ трехчленнаго дѣленiя, соглашается съ тѣмъ, что соотношенiе между подсудностью и этимъ дѣленiемъ „едва ли можетъ быть усвоено нами при введенiи новаго уложенiя, такъ какъ компетентность мировыхъ судей не можетъ быть ограничена одними нарушенiями“ (Лекцiи, I, стр. 84). Какъ видно изъ объясненiй къ первому проекту (ч. общая, стр. 26), редакцiонная коммисiя сама придаетъ весьма малое значенiе процессуальнымъ выгодамъ трехчленнаго дѣленiя и ставитъ на „первый планъ“ техническiя выгоды подобной нomenclature.

Въ виду сказаннаго, нельзя не присоединиться къ мнѣнiю проф. *Zucker*'а („*Gerichtssaal*“ В. 48, 1893, s. 429), что при современномъ состоянiи уголовного законодательства трехчленное дѣленiе лишено внутренней правды.

Другое соображенiе, выставляемое, обыкновенно, въ пользу трехчленнаго дѣленiя и приводимое и коммисiею въ ея „Объяс-

неніяхъ“ (стр. 26) ¹⁾, состоитъ въ томъ, что подобная номенклатура преступныхъ дѣяній значительно облегчаетъ и упрощаетъ редакцію общихъ постановленій кодекса, давая возможность въ цѣломъ рядѣ статей замѣнять длинное описаніе и перечисленіе дѣяній, къ коимъ извѣстное постановленіе должно относиться, однимъ краткимъ терминомъ, данной группѣ дѣяній присвоеннымъ. Нерѣдко мотивируютъ (Гуго Мейеръ, Рубо) ^упонятіе трехчленнаго дѣленія необходимостью различнаго рѣшенія многихъ вопросовъ общей части уголовного права (о пространствѣ дѣйствія уголовного закона, о покушеніи, соучастіи, давности и т. д.) въ примѣненіи къ различнымъ по своей тяжести преступнымъ дѣяніямъ.

Этимъ послѣднимъ доводомъ отнюдь не доказывается, однако, необходимость именно трехчленнаго дѣленія, и вопросъ о томъ, на сколько категорій и на какія именно слѣдуетъ разбить въ уголовномъ уложеніи преступныя дѣянія и какія измѣненія въ томъ или другомъ институтѣ уголовного права вызываются, по отношенію къ данной категоріи, ея характерными особенностями,—можетъ быть рѣшенъ лишь на почвѣ изученія внутренней природы всѣхъ преступныхъ дѣяній, отъ наиболѣе тяжкаго до самаго мелкаго правонарушенія включительно.

Если бы подобное изслѣдованіе привело насъ къ тому заключенію, что внутренняго различія между преступными дѣяніями не существуетъ, то мы не могли бы ради однихъ лишь техническихъ редакціонныхъ удобствъ законодателя, согласиться на искусственную ихъ классификацію: соображенія столь мелочнаго свойства не могутъ имѣть рѣшающаго значенія при установленіи основныхъ, принципиальныхъ положеній кодекса.

Достойно примѣчанія, что редакторы нашего уложенія 1845 года не приняли дѣленія преступныхъ дѣяній лишь по

¹⁾ Объясненія редакціонной комисіи къ проекту общей части, въ первой редакціи, мы цитируемъ: „Объясненія“, а изданіе „Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комисіи“. Томъ I, глава 1-я. Спб. 1895“—цитировано такъ: „Объясненія, 1895“.

важности положенныхъ за нихъ наказаній, справедливо находя, что „оно не имѣетъ твердаго основанія и неминуемо влечетъ за собою смѣшеніе понятій и запутанность въ распредѣленіи постановленій“.

Дѣйствительно, врядъ ли возможно установить какое либо внутреннее, по природѣ, различіе между преступленіями (*crimes*, *Verbrechen*) и проступками (*délits*, *Vergehen*) какъ во французскомъ и германскомъ уложеніяхъ, такъ и въ нашемъ проектѣ. Проектъ кладетъ въ основу своей классификаціи критерій рода наказанія, грозящаго какъ максимумъ за извѣстное правонарушеніе, въ совершеніи коего подсудимый признаетъ виновнымъ. Не трудно видѣть, что это критерій чисто внѣшній, формальный, ибо и за дѣяніе, относимое проектомъ къ категоріи преступленій, можетъ быть, напр., назначаемъ при наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, исправительный домъ (ст. 45), т. е. наказаніе, характеризующее, по проекту, проступки.

Какъ вѣрно указываетъ проф. *Штоссъ* (*Grundzüge des Schweizerischen Strafrechts*, B. I, s. 170), коренной недостатокъ трехчленнаго дѣленія заключается въ томъ, что различіе между преступленіями и проступками лишь внѣшнее, ибо они по существу своему переходятъ другъ въ друга, и одно и то же дѣяніе является то преступленіемъ, то проступкомъ. Внутреннее различіе существуетъ лишь между уголовною и полицейскою неправдами, между преступленіями и проступками (*Kriminalunrecht*), съ одной стороны, и полицейскими нарушеніями (*Polizeiunrecht*), съ другой. Хотя теоріи и не удалось еще съ безусловною точностью провести разграничительную черту между уголовною и полицейскою неправдами, но тѣмъ не менѣе бесспорнымъ результатомъ вѣковой работы научной мысли въ этомъ направленіи, начиная съ Грольмана и Фейербаха и кончая Биндингомъ, Листомъ и Г. Мейеромъ, можетъ быть признано то основное положеніе, что область уголовной неправды образуютъ дѣянія, заключающія въ себѣ нарушеніе правовыхъ благъ или конкретную для нихъ опасность (*Verletzungs-und Gefährdungsdelicte*), въ полицейской же неправдѣ

относятся деликты, состоящіе въ простомъ неповиновеніи велѣніямъ законодателя (*reine Ungehorsamsdelicte*) ¹⁾. Современный правовой порядокъ нерѣдко запрещаетъ такіа дѣянія, въ которыхъ обыкновенно кроется опасность для извѣстныхъ правовыхъ благъ, заключается *in abstracto* возможность подобной опасности, и притомъ запрещаетъ совершенно независимо отъ того, является ли такое дѣяніе въ данномъ конкретномъ случаѣ опаснымъ или же нѣтъ, напримѣръ, запрещается быстро ѣздить по городскимъ улицамъ, стрѣлять въ городѣ, избѣгать обязательнаго оспопрививанія и т. п. Дѣянія, нарушающія эти запреты, и образуютъ область полицейской неправды. Конечно, какъ справедливо указываетъ Биндингъ, моментъ неповиновенія законодательной волѣ присущъ всѣмъ видамъ неправды, а съ другой стороны, по вѣрному замѣчанію Гуго Мейера, и полицейскій деликтъ можетъ выразиться въ извѣстномъ вещественномъ поврежденіи (*sachliche Verletzung*), но тѣмъ не менѣе наше положеніе о принципиальномъ различіи между уголовною и полицейскою неправдами вполне сохраняетъ свою силу. Хотя полицейская неправда и можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушать или дѣйствительно подвергать опасности юридическій интересъ, однако, это нарушеніе или конкретная опасность не составляютъ необходимыхъ ея элементовъ: онѣ могутъ и отсутствовать ²⁾.

¹⁾ Binding, Normen, I, 1890, s. 408—411, считая эту мысль господствующею въ современной литературѣ, находитъ болѣе правильнымъ обозначать первый видъ неправды терминомъ „Angriffsdelikt“, а второй—„reiner Ungehorsam“. V. Liszt, Lehrbuch, 1895, s. 96—100; Rosin, „Polizeistrafrecht“ въ „Wörterbuch D. D. Verwaltungsrechts, hrsg. von Prof. v. Stengel, 1894, B. II s. 273—278; Merkel, Lehrbuch, s. 45—46; H. Meyer, Lehrbuch, 1895, s. 29—30, и 1888, § 4, s. 39—40; Stooss, Grundzüge, 1892, I, s. 170; Seuffert, Mitteilungen aus d. Entwürfe eines Strafgesetzb. f. Italien, 1893, s. 96—100; Hälschner, Das gemeine D. Strafrecht; I, s. 34—36; A. Zucker, Einige Fragen d. allgemeinen Strafrechts, „Gerichtssaal“, B. 48, 1893, s. 428; Gretener, Zur Beurtheilung d. Entwurfs f. Aargau, „Zeitschrift f. Schweiz. Strafrecht“, VI, 1893, s. 228—229; Tellingek, Die Sociaethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe, s. 122—124, считаетъ полицейскую неправду одною изъ неразвитыхъ или несовершенныхъ формъ неправды, наряду съ неправдою гражданскою и деликтами, наказуемыми лишь по жалобѣ потерпѣвшаго.

²⁾ Проф. Геѣръ (Grundriss zu Vorles. über gem. deutsch. Strafrecht, 1884,

Принятое проектомъ трехчленное дѣленіе, совершенно произвольно объявляя одни изъ наказуемыхъ дѣяній преступленіями, а другія лишь проступками, не считается съ тѣмъ значеніемъ, которое придается тому и другому термину въ обществѣ, и идетъ въ разрѣзъ съ этическими и правовыми воззрѣніями народа.

По проекту, мужеложство съ ребенкомъ, не достигшимъ 12 лѣтъ (ст. 438), сводничество для совокупленія жены или дочери (ст. 445), обращеніе дочери, не достигшей 17 лѣтъ, къ занятію проституціей (ст. 361)—суть лишь проступки, а совращеніе православнаго въ расколоученіе (ст. 339), есть преступленіе; причинившій весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе, задуманное и выполненное „въ порывѣ сильнаго душевнаго волненія“ дипломатическому представителю иностраннаго государства (ст. 401), совершаетъ преступленіе (ваторга до 8 лѣтъ), а учиненіе того же самаго дѣянія, при совершенно аналогичныхъ условіяхъ, по отношенію къ русскому гражданину, составляетъ лишь проступокъ (ст. 401). Своровавшій изъ частной квартиры грошевую свѣчку изъ подсвѣчника „освященную употребленіемъ при богослуженіи“, если похитителю извѣстно было о принадлежности ея христіанской церкви (ст. 494), совершаетъ преступленіе, а лицо, послѣ объявленія его по суду несостоятельнымъ должникомъ, сокрывшее свое миллионное имущество, съ цѣлью избѣжать платежа долговъ (ст. 504), виновно только въ проступкѣ.

Когда глубже вдумываешься въ значеніе этой искусственной классификаціи наказуемыхъ дѣяній въ проектѣ, то невольно припоминаются слова проф. *Seuffert'a*, сказанныя имъ по поводу аналогичнаго трехчленнаго дѣленія германскаго уложенія: „это значитъ путемъ закона затемнять и спутывать сужденія народа о негодномъ характерѣ правонарушеній“ (I. с., s. 98). Если сама коммисія (Объясненія, стр. 25) и

I, 87), видитъ въ этомъ свойствѣ полицейской неправды главный признакъ, отличающій ее отъ неправды уголовной и относитъ къ области ея тѣ дѣянія, которыя не всегда, а лишь обыкновенно или въ большинствѣ случаевъ заключаютъ въ себѣ опасность для охраняемыхъ государствомъ благъ.

проф. Таганцевъ (I. с. стр. 82) признають трехчленное дѣленіе „несомнѣнно формальнымъ“, то съ этимъ можно согласиться только въ томъ смыслѣ, что оно основано на чисто внѣшнемъ критеріи. Вполнѣ правъ проф. Гейеръ (I. с. I, s. 86), говоря, что вопросъ о трехчленномъ дѣленіи далеко не есть лишь второстепенный вопросъ названія,—какъ это утверждаютъ защитники трихотоміи. Принятіе этого дѣленія въ уложеніи является крупною уголовно-политическою ошибкою: нельзя въ погонѣ за весьма проблематичными выгодами при распредѣленіи подсудности, за стройностью системы кодекса и технически-редакціонными удобствами, уродовать жизненные явленія на прокустовомъ ложѣ искусственныхъ теорій, игнорируя господствующія въ обществѣ правовоззрѣнія.

Немногочисленные въ настоящее время сторонники трихотоміи защищаютъ ее лишь по соображеніямъ практическаго удобства и притомъ весьма вяло ¹⁾, а большинство новѣйшихъ теоретиковъ и многіе русскіе практики (см. Палаузовъ I. с., стр. 17), высказались противъ нея. V-й Международный Пени-тенціарный Конгрессъ призналъ двухчленное дѣленіе научнымъ и логичнымъ, рекомендовалъ государствамъ, его принявшимъ, не отступать отъ него, и нашель, что трехчленное дѣленіе можетъ быть оправдано соображеніями практическаго удобства лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно необходимо для установленія извѣстнаго соотношенія между степенями подсудности и тяжестью правонарушеній ²⁾.

Никто, однако, не можетъ доказать, что въ нашемъ правѣ трихотомія безусловно необходима для достиженія подобнаго соотношенія. Для Россіи она не имѣетъ за себя даже и историческихъ корней въ прошломъ нашего права и является ничѣмъ не обоснованнымъ и нежелательнымъ новшествомъ. Нашему

¹⁾ Одинъ изъ нихъ проф. Рубо (Commentar über Strafgesetzb f. d. deut. Reich., s. 101 и ff. 239 и ff), напр., замѣчаетъ: „уцѣлѣетъ ли трехчленное дѣленіе или же нѣтъ, въ матеріальномъ отношеніи отъ этого ничто не измѣнится. Препятствій къ упраздненію его такъ же мало, какъ и опасности и въ томъ, что оно существуетъ“.

²⁾ Revue pénitentiaire, 1895, № 7, p. 1006, 1089. Тюремный Вѣстникъ, 1895 № 7, стр. 362.

законодателю слѣдуетъ въ этомъ вопросѣ также считаться и съ горькимъ опытомъ Запада.

Въ Германіи, гдѣ трехчленное дѣленіе было принято въ общеимперскомъ уложеніи, несмотря на горячую оппозицію нѣмецкихъ ученыхъ, жизнью всецѣло подтверждена правдивость ихъ предсказаній: трихотомія вполнѣ высказала свою искусственность, ненужность для распредѣленія подсудности, противорѣчіе народному правовоззрѣнію, а число ея враговъ среди теоретиковъ и практиковъ растетъ съ каждымъ днемъ. Наоборотъ, въ Италіи, по свидѣтельству президента Римскаго кассационнаго суда *T. Canonico* (*Bulletin d. l. Commission Pénitent. Internat.*, 1895, 3-me livr. p. 83), двухчленное дѣленіе, введенное лишь уложеніемъ 1889 года, не только не создало на практикѣ никакихъ неудобствъ, но и принесло значительную пользу дѣлу правосудія, помогая молодымъ судебнымъ дѣятелямъ ясно различать существенный характеръ cadaго наказуемаго дѣянія. Французскій кодексъ поступаетъ по крайней мѣрѣ послѣдовательно: беря практическое удобство процессуальнаго характера за исходную точку при классификаціи правонарушеній, онъ во имя того же практическаго удобства посвящаетъ каждой ихъ категоріи особую книгу. Германское уложеніе, принимая его искусственное трехчленное дѣленіе, выдѣляетъ въ особый отдѣлъ „нарушенія“ (29 Abschnitt, §§ 360—370). Новѣйшіе европейскіе кодексы держатся двухчленнаго дѣленія (преступленія и нарушенія) и посвящаютъ нарушеніямъ особую книгу, напр., Нидерландское—III книгу, ст. 124—74; Итальянское—libro III art. 434—97; Невшательское 1891 г.—livre III art. 432—44; общешвейцарскій проектъ (*Kommissional entwurf* 1896 года)—II Buch ст. 210—254 (своя общая и особенная части ¹⁾). Ихъ благому примѣру надо было бы послѣдовать и нашему проекту и, принявъ двухчленную систему, выдѣлить всѣ нарушенія въ особую главу. По образцу общешвейцарскаго проекта и нѣкоторыхъ дѣйствующихъ кодексовъ

¹⁾ Двухчленное дѣленіе принято также Норвежскимъ проектомъ и кантональными уложеніями: Базельскимъ Цюрихскимъ и Цугскимъ.

совъ, можно было бы включить въ эту главу о нарушеніяхъ и наиболѣе легкіе случаи уголовной неправды, которые вообще требуютъ болѣе мягкаго отношенія къ нимъ со стороны законодателя. Подобно главѣ о преступленіяхъ, глава о нарушеніяхъ распадалась бы на общую и особенную части, причемъ общая часть о преступленіяхъ примѣнялась бы и къ нарушеніямъ, но съ изъятіями и отступленіями, которыя, будучи вызваны особою природою и легкимъ характеромъ предусматриваемыхъ второю главою дѣяній, составили бы содержаніе общей части этой послѣдней.

Принятіе подобной системы и такого порядка изложенія принесли бы и судьямъ, и публикѣ значительныя практическія выгоды.

Въ теперешнемъ же видѣ проектъ, благодаря своему меньшему объему, облегчая съ технической стороны дѣятельность лицъ, служащихъ дѣлу правосудія въ окружныхъ и высшихъ судахъ, въ то же время существенно затрудняетъ, по сравненію съ нынѣ дѣйствующимъ правомъ, работу тѣхъ низшихъ судовъ и тѣхъ лицъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ мало-важными проступками и нарушеніями. Въ настоящее время мировой судья, уѣздный членъ, городской судья, земскій начальникъ примѣняетъ въ своей судебной дѣятельности по громадному большинству уголовныхъ дѣлъ лишь тѣ нормы матеріальнаго уголовного права, которыя содержатся въ 181 статьѣ Мирового устава; какъ правило, онъ можетъ ограничиться въ области матеріальнаго уголовного права основательнымъ знаніемъ Мирового устава. Со вступленіемъ же въ силу новаго проекта, означеннымъ судьямъ низшихъ инстанцій придется постоянно имѣть дѣло съ уложеніемъ, къ которомъ посреди 589 его статей тамъ и сямъ разбросаны постановленія о подсудныхъ имъ мелкихъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній. Между тѣмъ, именно для судей низшихъ инстанцій слѣдовало бы въ возможно большой степени облегчить технически-юридическую сторону дѣятельности, а въ частности ознакомленіе съ нормами дѣйствующаго права, ибо эти должности, сопряженные съ массою работы, часто бываютъ заняты лицами, не получившими